

Цзян Нин вернулся в класс.

Толпившиеся у дверей одноклассники при его появлении мгновенно врассыпную бросились по местам. Игнорируя шёпотки и боковые взгляды, он спокойно прошёл к своей парте.

— Босс, — Чжао Цзыцянь, сидевший впереди, боязливо обернулся. — Вы как, нормально? Говорят, Цянь Пэна отчислили...

Класс замер, наострив уши.

Цзян Нин с резким треском расстегнул рюкзак, вытащил стопку кое-как исписанных тестов и швырнул её на стол Чжао Цзыцяня:

— Я тут никого не знаю. Раздай старостам по предметам.

Чжао Цзыцянь на миг опешил, но тут же просиял:

— Босс! Так вас не отчислили?! Директор вас не выгнал!

— Что, так сильно надеялся? — хмыкнул Цзян Нин.

— Нет-нет-нет, вы что! Я ляпнул не подумав! — Чжао Цзыцянь бережно сгреб бумажную стопку, словно бесценное сокровище. — Я сейчас всё разнесу!

В анонимном школьном чате тем временем закипело обсуждение:

«Серьёзно? Цзян Нин так отделал чувака, и ему ничего за это не было?»

«А я-то надеялся, что его наконец выпрут».

«Да вроде Цянь Пэн первым полез».

«Какая разница? Дойти до кабинета Старика Суня и выйти сухим из воды? Не верю, что за ним никто не стоит».

«Семья Цзян за него впряглась, что ли?»

«С чего бы? Его же вышвырнули из дома, они с ним знать друг друга не хотят».

Прозвенел звонок, и в классе воцарилась тишина. На трибуну поднялся Сю Гошэн.

— Объявляю две новости, — прокашлялся он. — Во-первых, с сегодняшнего дня я исполняю обязанности вашего классного руководителя. Если ничего не изменится, буду вести вас до самого выпуска.

За партами поднялся гул:

— Ничего себе повороты...

— А я слышал, нашего прежнего классрука директор отстранил от работы на два месяца.

— И второе, — продолжил Сю Гошэн, перекрывая шум. — На следующей неделе школа проводит трёхдневную спартакиаду. Все активно записываемся на дисциплины у спорторга.

— Офигеть! Три дня?!

— Вот это халява! Три дня без уроков, да ещё два дня выходных...

— Учитель! — выкрикнул кто-то с задних парт. — А спартакиада открытая? Можно кого-нибудь с собой позвать?

— Полуоткрытая. Каждому полагается по два пригласительных для гостей.

Цзян Нин, всё это время лениво лежавший на парте, слегка шевельнулся и повернул голову к окну.

«У Лу Чжиханя вряд ли найдётся время на подобную глупость...»

Едва зазвенел звонок на перемену, класс снова взорвался спорами. Спорторг Ло Цзяньань выскочил к доске:

— Кому нужны гостевые пропуски, подходим, регистрируемся! Помните: не больше двух в одни руки!

Трибуну мгновенно окружили, Ло Цзяньаня едва не сбили с ног:

— Впиши моих, живо!

— Эй, не толкайтесь!

Чжао Цзыцянь снова повернулся:

— Босс, тебе нужен пропуск? Давай впишу.

Цзян Нин всё так же отстранённо лежал на подложенных руках. Под партой, на экране его телефона, был открыт диалог с Лу Чжиханем. В строке ввода застыла фраза:

[Ты придёшь к нам на спартакиаду?]

Палец замер над зелёной кнопкой отправки. Цзян Нин помедлил.

Школьная спартакиада — душные, жарящие трибуны, пыль... Да и сам он не собирался выкладываться в каких-то важных дисциплинах. Какой смысл Лу Чжиханю тащиться сюда? Вместо того чтобы сидеть в прохладном кабинете под кондиционером и зарабатывать миллионы, приехать слушать этот шум?

Цзян Нин стёр текст и глухо буркнул из-под скрещённых рук:

— Не надо. Забирай себе.

Двадцатиминутная перемена подходила к концу. Ло Цзяньань потряс в воздухе листом:

— Ещё есть желающие на пропуски? Если нет, я отношу список!

Цзян Нин даже не шелохнулся. Ло Цзяньань бросил на него боязливый взгляд, не решаясь окликнуть, и быстро вытащил другой бланк:

— Ладно, теперь разбираем спортивные дисциплины!

Ажиотаж в классе мгновенно улетучился. Наступила мёртвая тишина.

Ещё чего. Спартакиада создана для спорта? Как бы не так! Это же идеальное время, чтобы трескать чипсы, резаться в карты, грызть семечки и глазеть на красавчиков. Выйти на поле самому — значит добровольно превратиться в подопытную мартышку. В лучшем случае обеспечишь себе неделю адской крепатуры, в худшем — обзаведёшься комплектом уродливых фото, которые будут преследовать тебя до самого выпуска, навсегда похоронив шансы на личную жизнь.

Ло Цзяньань сокрушённо вздохнул:

— Ясно. Тогда тянем жребий. Возражения есть?

— Никаких! — хором отозвался класс.

По рядам пустили шапку с бумажками. Через минуту кабинет огласился стонами и проклятиями:

— Блин! Три тысячи метров?!

— Ы-ы-ы, у меня тоже забег на выносливость...

Цзян Нин развернул свой жребий.

[Эстафета 4х100 метров]

Он недовольно нахмурился. Одиночные забеги его не пугали, но вот возиться с так называемой «командной работой» он терпеть не мог.

— Босс, везёт тебе, всего сотня метров, — уныло протянул Чжао Цзыцянь. — А у меня прыжки в высоту... Куда мне с моими габаритами?

Он и правда выглядел дрыщом даже на фоне не самых спортивных одноклассников. А уж представить, как он будет позориться на виду у всей школы, исполняя прыжок, и вовсе заставляло его ладони потеть.

Цзян Нин без лишних слов выдернул бумажку из его пальцев и швырнул взамен свою:

— Меняемся.

Чжао Цзыцянь чуть не разрыдался от нахлынувших чувств:

— Босс... Ты лучший! Никто в жизни не относился ко мне так добро!

— Не раскатывай губу, — отрезал Цзян Нин. — Я просто терпеть не могу эстафеты.

Он поднялся с места.

— Босс, ты куда? Чем помочь?

— В туалет, — Цзян Нин одарил его долгим взглядом. — Поддержать придёшь?

Чжао Цзыцянь мгновенно заткнулся.

Выйдя через заднюю дверь, Цзян Нин успел сделать лишь пару шагов, как спиной почувствовал липкий, неприятный взгляд. Он обернулся.

Недалеко стоял юноша в безупречно чистой форме.

Цзян Нин брезгливо нахмурился, даже не пытаясь скрыть отвращения:

— Цзян Цзяюй. Ты правда думаешь, что у меня рука не поднимется тебя разукрасить?

— Редко увидишь, чтобы ты с кем-то нормально общался, — с мягкой улыбкой отозвался тот. — Чем же так особенен тот парень?

Цзян Цзяюй бросил взгляд внутрь класса. Его идеальная внешность и статус первого ученика параллели тут же вызвали среди присутствующих лёгкий ажиотаж и шепотки.

Понизив голос так, чтобы слышал только Цзян Нин, Цзян Цзяюй ядовито прошептал:

— У Чжао Цзыцяня, кажется, отличная успеваемость. Думаю, вместо того чтобы вошкаться с таким отбросом, как ты, ему куда приятнее было бы дружить со мной.

— Да забирай, мне-то что, — с полнейшим равнодушием бросил Цзян Нин и пошёл дальше.

— Цзян Нин! — Цзян Цзяюй поспешил за ним. — Я видел тебя на днях в машине. С тобой рядом сидел мужчина.

Шаг Цзян Нина замер. Напускная вальяжность вмиг испарилась, сменившись ледяной, давящей угрозой. Он медленно развернулся, впери в собеседника тяжёлый взгляд.

— И что? К чему ты клонишь?

— Чего ты так нервничаешь? — на губах Цзян Цзяюя заиграла невинная усмешка. — Ты ведь и сам прекрасно видишь... И учителя, и одноклассники... да даже твоя бывшая семья всегда любили меня больше. Как думаешь, тот мужчина в машине станет исключением?

— Тварь, ты совсем из ума выжил? — Цзян Нин опасным образом прищурился.

Под аханье случайных свидетелей он сгреб Цзян Цзяюя за грудки и рывком втащил в мужской туалет.

— Что, воровать чужое войдя во вкус? — процедил он сквозь сжатые зубы.

Находившиеся в туалете парни в ужасе выскочили наружу. В помещении установилась звенящая тишина.

Прижатый к холодному кафелю Цзян Цзяюй наконец скинул маску ангелочка. Добродушная улыбка сползла с его лица, уступив место больному, лихорадочному азарту:

— Если что-то можно отнять, значит, оно никогда тебе и не принадлежало.

«Давай, злись дальше! Паникуй!» — читалось в его бегающем взгляде. Он жаждал увидеть в Цзян Нине ту же беспомощную, судорожную агонию мухи, увязающей в паутине, когда силы иссякают, а безысходность накрывает с головой.

— Ха, — Цзян Нин издал короткий смешок и неожиданно шагнул назад, мгновенно разрушив всю выстроенную драму. — Ты про тот мусор, что ты утащил? — Цзян Нин гордо вскинул подбородок, вновь обретая дерзкую, раздражающую вальяжность. — Знаешь, а я тебе даже благодарен. Находиться в этой семейке меня уже тошнило.

— Врёшь! — выплюнул Цзян Цзяюй. — Думаешь, я не знаю, как ты перебивался эти полгода? Листовки раздавал, разгружал фуры на складах, в промоутерах батрачил!

Лицо Цзян Нина обледенело:

— Ты следил за мной.

— Да, следил! Только я видел, в каком ничтожестве ты барахтался! — Цзян Цзяюй сделал шаг ближе. Его тёмные, маслянисто блестящие глаза ввелись в крошечную ссадину на щеке Цзян Нина. Обводя взглядом каждую черточку его лица, он заговорил сюсюкающим, приторным тоном: — Успокойся, тут никого нет, не надо корчить из себя героя. Просто покорись мне. Будешь шелковым, послушным — и я, так и быть, позволю тебе вернуться к прежней сытой жизни...

Видя, как тот надвигается, отвратительный и скользкий, словно вылезшая из тёмного угла сороконожка, Цзян Нин ощутил, как к горлу подступает тошнота. Он с силой заехал Цзян Цзяюю ладонью в грудь, отталкивая прочь:

— Сгинь отсюда, мразь.

Не ожидавший такого отпора Цзян Цзяюй отлетел назад и больно ударился лопатками о каменистый кафель. Его бледное лицо мгновенно стало блее мела.

Но в глазах Цзян Нина не было и капли жалости:

— Ты же так долго таскался за мной. Должен был усвоить: я терпеть не могу, когда ко мне притрагивается всякая дрянь.

За дверью туалета послышался дробный топот.

— Что здесь происходит?!

Вбежавший Сю Гошэн замер на пороге, переводя дыхание. За его спиной толпились любопытные зеваки; не увидав разорванных рож и луж крови, школьники разочарованно вздохнули.

Сю Гошэн перевёл дух и рявком спросил:

— Цзян Нин, ты что тут вытворяешь?!

— Это туалет, учитель Сю. Я сюда по нужде зашёл, — Цзян Нин дерзко изогнул бровь. — Вы тоже торопитесь? Я как раз закончил, уступаю место.

Он направился к выходу. Толпа в коридоре в ужасе расступилась, давая ему дорогу.

Уже уходя, Цзян Нин слышал доносившийся из туалета сочувственный елей:

— Цзяюй, ты как?

— Сильно ушибся? Может, в медкабинет?

— Всё в порядке, я просто поскользнулся... Цзян Нин ни при чём...

От этой фальши Цзян Нина чуть не затошнило. Вернувшись в класс, он с остервенением вытащил влажную салфетку и стал до красноты оттирать руки.

Взз-взз.

В кармане брюк завибрировал телефон. Цзян Нин достал гаджет. На значке мессенджера горела красная точка — заявка в друзья.

Он нажал на уведомление.

[Цзян Цзяюй: Обдумай мои слова. Я куда надёжнее всяких проходимцев с улицы и никогда тебя не обману.]

Цзян Нин чуть не расхохотался в голос.

«Надёжнее?»

Да для Лу Чжиханя это он сам — непонятно откуда взявшийся проходимец. И если уж кто кого и обманывал в этих отношениях, так это он — Лу Чжиханя.

<http://bllate.org/book/19724/1943442>